

**АРХИТЕКТУРА
И МОНУМЕНТАЛЬНОЕ
ИСКУССТВО**

Анатолийские мечети Великих Сельджуков: архитектурные и политические ориентиры

Евгений Кононенко

Статья посвящена памятникам мусульманской архитектуры Юго-Восточной Анатолии периода правления династии Великих Сельджуков (конец XI – середина XII века), часто выпадающим из обзоров истории турецкой культуры. На новых территориях Халифата в первые десятилетия после тюркского завоевания развернулось активное строительство культовых зданий, новым правителям пришлось решать вопрос выбора образцов. Аргументами в этом выборе становились не только (и не столько) имевшиеся типы мечети и признанные шедевры мусульманской архитектуры, но и политические амбиции Великих Сельджуков и их анатолийских вассалов, превратившие строившиеся мечети в действенный инструмент политической риторики.

Ключевые слова: мечеть, турецкая архитектура, Великие Сельджуки, Омейяды, Диарбакыр, политическая риторика, ретроспекция.

Юго-восточные области Анатолии перешли под контроль Халифата уже в первый век его существования и еще до прихода тюрков не только были включены в «мир ислама», но и – благодаря важным торговым и религиозным центрам Северной Месопотамии – стали форпостом дальнейшего распространения ислама в Анатолии и Закавказье. Наиболее активный этап исламизации Восточной и Центральной Анатолии приходится на XI–XII века, когда эти территории оказались в составе государства Великих Сельджуков.

Политическая история Сельджукской державы по сравнению со многими другими средневековыми мусульманскими государствами достаточно хорошо документирована и изучена¹.

Тогрул, потомок Сельджука ибн Токака, объединил тюркские племена, присоединил владения Газневидов, Азербайджан и значительную часть Ирака. В 1048 году Тогрул получил от халифа титул султана, легитимизировав свои завоевания, а после взятия Багдада оказался фактическим светским правителем территории Халифата² и главой разветвленной династии Великих Сельджуков.

Исламизированные кочевники-тюрки были восприняты персидской бюрократией Халифата как источник конфликтов³, а потому любыми способами выдвигались к границе с Византией. Халифат отвел им роль *гази* (защитников веры), не только укреплявших и раздвигавших его северо-западные пределы, но и способных противостоять Фатимидам, усиливающимся в Сирии. Победа над византийскими войсками при Манцикерте (Малазгирте) в 1071 году открыла тюркам путь в Центральную Анатолию, где были образованы несколько вассальных мусульманских княжеств, к началу XIII века подчиненных младшей ветвью династии – Сельджуками Рума.

Однако после успехов на северо-западном фронте внешняя политика Халифата изменила приоритеты: более важными оказались не ослабление Византии, а борьба с Фатимидами и отвоевание Иерусалима и Хиджаза⁴. После смерти Низама аль-Мулька и султана Малик-шаха в 1092 году⁵ Великие Сельджуки увязли в междоусобице сыновей последнего, а столкнувшись с новым врагом, – крестоносцами, были вынуждены отказаться и от планов завоевания Сирии. Наследники Малик-шаха создали несколько ветвей династии – иракскую, керманскую, сирийскую, курдистанскую, анатолийскую, но большинство из них прервались уже в XII веке. До пленения султана Санджара в 1153 году правители Хорасана еще считались главной ветвью Дома Сельджука, однако в Восточной Анатолии лишь некоторые местные династии эпизодически признавали столь удаленных номинальных сюзеренов.

Тем не менее, устанавливая владычество на бывших византийских землях, Великие Сельджуки не могли не пытаться легитимизировать свою власть, обращаясь к определенной политической риторике. На только что присоединенных к Халифату землях династия должна была позиционировать ценности ислама, на давно исламизированных территориях – декларировать преемственность правления. Утвержденный таким образом авторитет сюзерена служил опорой для тюркских князей Анатолии. Тот факт, что даже после ослабления и раскола династии у нее находились формальные вассалы, свидетельствует об успешности этой идеологической прокламации.

Методов политической риторики могло быть только два – во-первых, воспроизведение старых, апробированных памятников, обращение к которым свидетельствовало о незыблемости и преемственности ценностей (ретроспекция), и, во-вторых, создание новых форм, ассоциируемых именно с новой династией, на которые могли (и должны были) ориентироваться вассалы, декларируя верность сюзерену (проспекция).

Инструментов прокламации политических ценностей – во всяком случае, имеющих материальную фиксацию, – тоже оказывалось немного: нумизматика, эпиграфика, архитектура.

Первые два инструмента, отражающие, в частности, такое важное средство самоидентификации, как титулатура, уже рассмотренная как при-

мер вживания тюрок в чуждую им среду⁶, останутся вне затрагиваемой темы. Напомню лишь хорошо известную практику обращения ко всему доступному корпусу источников – античных, византийских, персидских – при разработке монетных чеканов мусульманских правителей вплоть до прямых визуальных цитат⁷ и следование авторитетным византийским моделям при построении титулов новых владык.

Строительная деятельность правителей в целом и возведение мечетей в частности высоко оценивались мусульманскими историографами, и сами эти оценки работали именно как инструмент политической риторики. Великие Сельджуки не стали исключением – достаточно процитировать сообщение Садра ад-Дина ал-Хусайни о походе Алп-Арслана в Грузию: «Население вышло навстречу султану и приняло учение [истинной] веры. Султан был охвачен большой радостью и ликовал. Он приказал подвергнуть всех их очищению, церкви были разрушены и построены мечети»⁸. Возведение мечетей на завоеванных территориях ставится султану в заслугу и закрепляет образ правителя, радеющего о распространении ислама на подконтрольных землях, то есть оказывается эффективным средством религиозно-политической прокламации.

Немногочисленные архитектурные сооружения Великих Сельджуков в Восточной Анатолии оказались вне магистральных интересов исследователей. Данный факт легко объясним: с одной стороны, прославившие династию наиболее показательные памятники находятся вне Анатолии – это айванные мечети иранских Казвина, Семнана, Заваре и хрестоматийная Пятничная мечеть Исфахана со знаменитым куполом Низама аль-Мулька. Таким образом, метод проспекции (создание новых образцов) оказывается для политической риторики новой династии явно более результативным.

С другой стороны, в сводных работах по истории турецкой архитектуры памятникам Великих Сельджуков уделяется внимание лишь как материалу, хронологически необходимому⁹, но в целом чужеродному, привнесенному. Под «сельджукской архитектурой Анатолии» понимается прежде всего зодчество Сельджуков Рума¹⁰, и более узко – Конийского султаната периода его расцвета (конец XII – середина XIII в.). До сих пор не имеющая альтернативы «Всеобщая история архитектуры» просто декларирует, что истоки зодчества Турции находятся в Румском султанате¹¹.

«Старая область приграничников – борцов за веру, выдвинутых когда-то арабами, превратилась в государство, поднявшее в Малой Азии культуру на большую высоту. В течение полувека создали они здесь памятники, которые пережили творцов»¹². Однако эти наиболее показательные полстолетия относятся уже к XIII веку. Архитектурный заказ собственно Сельджуков Рума реализуется только в середине XII века, а до того мусульманская архитектура Анатолии представлена памятниками, созданными именно Великими Сельджуками и их вассалами (прежде

всего Данишмендидами и Артукидами¹³). Тот факт, что именно постройкам Сельджуков Рума удалось затмить более ранние мусульманские памятники на территории современной Турции и вызвать четкие ассоциации самой сельджукской архитектуры Анатолии с Конийским султанатом, свидетельствует об успехе политической риторики преемников Великих Сельджуков, весьма грамотно использовавших созданную предшественниками перспективную базу.

Однако, прежде чем рассматривать немногочисленные мечети Анатолии периода Великих Сельджуков, необходимо понять, каковы источники анатолийской мусульманской архитектуры. Собственно, вариантов немного.

Уже в первое столетие ислама на завоеванных арабами землях формируется тип дворовой (колонной) мечети, пространство которой состоит из открытого двора и молитвенного зала с плоским или двускатным стропильным перекрытием, опирающимся непосредственно на несущие опоры (столбы, колонны) либо на аркады. Исламская архитектура, безусловно, использовала иконографические и конструктивные решения предшествовавших культур, в частности – планировку христианских базилик¹⁴. В ряде случаев перекрытие зала могло дополняться куполом – в центре среднего поперечного нефа либо над михрабной ячейкой (в иерусалимской Аль-Акса и в магрибинских мечетях – в торцах повышенного центрального нефа, акцентируя главную ось). Таковы ранние гипостильные мечети Сирии, Ирака, Иордании, чуть позже – египетского Фустата, тунисских Сусса и Кайруана, откуда этот тип распространился в Марокко и Испанию.

Из Сирии тип гипостильной мечети проник и в Юго-Восточную Анатолию: в VIII веке была возведена Большая мечеть Харрана (Джами аль-Фирдаус), еще в конце XII века оставшаяся авторитетным центром мусульманской мысли. Судя по не лишенному преувеличений описанию испано-арабского путешественника Мухаммада ибн Джубайра, а также сохранившимся фрагментам и реконструкциям¹⁵, молитвенный зал мечети Харрана состоял из четырех параллельных стене киблы нефов, перекрытых стропильными двускатными кровлями, опиравшимися на аркады. Минарет мечети – квадратный в плане, сдвинутый к востоку от оси постройки, – выдает следование уже опробованной планировке арабских мечетей Средиземноморья.

Однако в Иране арабский тип колонной мечети не прижился: построенные в IX–X веках по аббасидскому образцу культовые здания «рано или поздно перестраивались, а иногда подвергались изменениям конструкции в процессе строительства»¹⁶. Из доисламского, прежде всего сасанидского, зодчества мусульманская архитектура Ирана позаимствовала две конструкции – *чартак* (*чахартак*)¹⁷, ставший прототипом павильонов, включавшихся в постройки различного назначения, и *айван* – сводчатый зал-террасу, открытую с одной стороны. Неоднократно указывалось,